Братья Гримм

Дева Малейн

Жил когда-то король. Был у него сын, который сватался за дочь одного могущественного короля, ее звали дева Малейн, и была она необычайно красивая. Но отец хотел ее выдать замуж за другого, — и королевичу отказали. Но они всей душою полюбили друг друга, не хотели разлучаться, и сказала дева Малейн своему отцу:
— Я не хочу брать в мужья никого другого.
Тогда разгневался отец и велел выстроить темную башню, куда не мог бы заглянуть ни один луч солнца или луны. Когда построили башню, король сказал:
— Ты должна будешь просидеть в ней семь лет подряд, а потом я приду и посмотрю, сломилось ли твое упрямство.
Принесли на эти семь лет в башню еды и питья, потом отвели туда королевну вместе с ее служанкой и замуровали их там, и вот разлучились они с землею и с небом. Сидели они там в темноте, не зная, когда наступает день, а когда ночь. Королевич часто ходил вокруг башни и окликал королевну по имени, но ни один звук не проникал сквозь толстые стены. И что ему было делать, как только горевать да плакать? Между тем время шло, и, ведя счет еде и питью, они заметили, что подходит срок семи годам. Они думали, что час их освобожденья уже наступил, но не слышно было ударов молотка, и ни один камень не падал со стены: казалось, будто отец о них вовсе позабыл. Вот осталось пищи уже на самое короткое время, они предчувствовали свою ужасную смерть, и сказала дева Малейн:
— Надо будет в последний раз попытаться, может быть, мы сможем пробить стену.
Она взяла хлебный нож и начала ковырять и долбить между камнями известку. Когда она уставала, ее сменяла служанка. После долгих трудов им удалось вытащить один камень, потом второй и третий, а через три дня в их темень проник первый луч света; наконец дыра стала такая большая, что они могли выглянуть наружу.
Небо было голубое; на них повеяло свежим ветром. Но как печально выглядело все вокруг: ее отчий замок лежал в развалинах, город и деревни, насколько можно было окинуть взором, были все сожжены, а поля всюду опустошены войной; не видно было ни единой живой души.
Когда дыра в стене стала настолько большой, что они могли в. нее пролезть, первой выпрыгнула из башни служанка, а за нею дева Малейн.
Но куда им было теперь идти? Враги опустошили все королевство, короля прогнали, а жителей всех перебили. Они пошли на поиски другой земли, но нигде они не находили приюта или живого человека, который бы подал им кусок хлеба. Нужда их была так велика, что им приходилось с голоду есть крапиву. После долгих странствий они попали, наконец, в другую страну и просили всюду дать им работу; но куда они ни обращались, им всюду отказывали — никто не хотел над ними сжалиться. Наконец они добрались до большого города и пришли к королевскому дворцу. Оттуда их тоже прогнали, но в конце концов повар им предложил остаться у него на кухне, и они сделались судомойками.
А сын короля, в чье королевство они попали, оказался женихом девы Малейн. Отец выбрал ему другую невесту, она была столь же уродлива лицом, как и зла сердцем. Была назначена свадьба, и уже прибыла невеста, но из-за своей большой уродливости она никому на глаза не показывалась и заперлась у себя в комнате, а дева Малейн должна была приносить ей из кухни еду. Вот наступил день, когда надо было невесте идти с женихом в церковь, но она стыдилась своей уродливости и боялась, что если она появится на улице, то люди станут над ней издеваться и смеяться. И сказала она деве Малейн:
— Тебе предстоит великое счастье, я растянула себе ногу, и мне будет трудно идти в церковь. Ты должна надеть мое свадебное платье и отправиться вместо меня: большего почета на твою долю и

выпасть не могло бы.
Но дева Малейн отказалась и ответила так:
— Я не хочу того почета, что мне не подобает.
Сулила ей невеста и золото, но все было напрасно. Наконец она в гневе сказала:
— Если ты меня не послушаешь, то жизнью за это поплатишься: стоит мне только сказать слово, и тебе отрубят голову. — И вот ей пришлось подчиниться и надеть на себя пышные невестины одежды и все ее украшения. Когда она вошла в королевский зал, все были изумлены ее необычайной красотой, и сказал король своему сыну:
— Вот и невеста, которую я для тебя выбрал. Теперь ты должен повести ее в церковь.
Удивился жених и подумал: «Как она похожа на мою Малейн, и я бы поверил, что это она и есть, но ведь Малейн давно заточена в башне, а может, уже и умерла».
Он взял ее за руку и повел в церковь. А по дороге росла крапива, и говорит ей невеста:
Куст крапивы,
Куст крапивы хилый,
Что стоишь унылый?
Помню, как скиталась,
Я тобой, сырою,
Все в пути питалась.
— Что это ты говоришь? — спросил королевич.
— Ничего, — ответила она, — я вспоминала о деве Малейн.
Он удивился, что она о ней знает, но промолчал. Подошли они к мостику у церковной площади, а невеста говорит:
Не сломись, пролет моста,
Я невеста — да не та.
— Что это ты говоришь? — спросил королевич.
— Ничего, — ответила она, — я все вспоминаю о деве Малейн.
— А разве ты знаешь деву Малейн?
— Нет, — ответила она, — откуда мне ее знать, я о ней только слыхала.
Вот подошли они к. церковным вратам, а она и говорит опять:
Не сломитесь вы, врата,
Я невеста — да не та.
— Что это ты говоришь? — спросил он.
— Ах, — ответила она, — да все думаю о деве Малейн.
Достал он драгоценное ожерелье, повесил ей на шею и застегнул его кольцом в кольцо. Потом вошли они в церковь, и священник соединил у алтаря им руки и обвенчал их.
Повел королевич ее домой, но за всю дорогу она и слова не молвила. Прибыли они назад в королевский замок, и она поспешила тотчас в комнату невесты, сняла с себя пышное платье и украшения, и надела свою серую рубаху, но оставила на шее ожерелье, что получила от жениха.
Когда время подошло к ночи и должны были отвести невесту в комнату королевича, она укрыла себе лицо фатой, чтоб он не заметил обмана. Вот остались они вдвоем, и сказал ей королевич:
— Что это ты говорила по дороге кусту крапивы?
— Какому кусту крапивы? — спросила она. — Зачем мне с какою-то крапивой разговаривать!
— Если ты этого не делала, значит ты ненастоящая невеста, — сказал королевич.
Но она не растерялась и ответила:
Вот пойду к служанке я,
Она вспомнит за меня.

Она вышла из комнаты и набросилась на деву Малейн:
— Эй, девка, что это ты говорила крапиве?
— Да я только сказала:
Куст крапивы,
Куст крапивы хилый,
Что стоишь унылый?
Помню, как скиталась,
Я тобой, сырою,
Все в пути питалась.
Прибежала невеста назад в комнату и говорит королевичу:
— Теперь я вспомнила, что говорила кусту крапивы, — и она повторила только что слышанные ею слова.
— А что ты говорила церковному мостику, когда мы через него переходили? — спросил королевич.
— Церковному мостику? — переспросила она. — Ни с каким церковным мостиком я не разговаривала!
— Значит, ты ненастоящая невеста.
Но она сказала опять:
Вот пойду к служанке я
Она вспомнит за меня.
Она выбежала из комнаты и накинулась на деву Малейн:
— Эй, скажи мне, девка, что это ты говорила церковному мостику?
— Да я только сказала.
Не сломись, пролет моста,
Я невеста — да не та.
— За это ты жизнью своей поплатишься, — крикнула невеста, но поспешила назад в комнату и сказала:
— Теперь я знаю, что говорила церковному мостику, — и она повторила слышанные ею слова.
— А что говорила ты церковным вратам?
— Церковным вратам? — переспросила она. — Никаким церковным вратам я ничего не говорила!
— Стало быть, ты ненастоящая невеста.
Она вышла из комнаты, набросилась на деву Малейн:
— А ну, скажи-ка, служанка, что ты говорила церковным вратам?
— Да я только сказала.
Не сломитесь вы, врата,
Я невеста — да не та.
— За это ты головой поплатишься! — крикнула невеста, совсем уж разгневавшись, но поспешила вернуться в комнату и сказала королевичу:
— Теперь я знаю, что я говорила церковным вратам, — и она повторила эти слова.
— А куда ты дела то ожерелье, что я дал тебе у церковных врат?
— Какое ожерелье? — переспросила она. — Ты мне никакого ожерелья не давал.
— Да ведь я же сам его тебе на шею повесил и вдел колечко в колечко. Если ты об этом не знаешь, значит, ты ненастоящая невеста. — Он сдернул с ее лица покрывало, и как увидел все ее ужасное уродство, отскочил от нее в испуге и говорит:
— Как ты сюда попала? Кто ты такая?
— Я твоя нареченная невеста, но я боялась, что люди, увидев меня в лицо, будут надо мной

смеяться, и я велела судомойке надеть мое платье и пойти в церковь вместо меня.
— А где же она? — спросил королевич. — Я хочу на нее посмотреть, пойди и приведи мне ее сюда.
Тогда она вышла и объявила слугам, что судомойка обманщица, чтоб ее вывели во двор и отрубили б ей тотчас голову. Схватили слуги судомойку, собрались ее уже было тащить, но она так громко закричала, зовя на помощь, что услыхал королевич ее голос, и выбежал из своей комнаты и тотчас велел девушку отпустить. Осветили комнату, и он увидел у нее на шее золотое ожерелье, что подарил ей у церковных врат.
— Ты настоящая невеста, — сказал он, — ты ходила со мной в церковь. Идем ко мне в опочивальню.
Вот остались они там вдвоем, а он ей говорит:
— Ты по пути в церковь называла имя девы Малейн, что была моей нареченной невестой. Если бы я мог подумать, что это возможно, мне пришлось бы поверить, что это она стоит сейчас передо мной: ты во всем на нее похожа.
Она ответила:
— Я и есть дева Малейн. Из-за тебя я просидела семь лет в заточенье, терпела голод и жажду и прожила долгие годы в беде и горе. Но сегодня снова для меня засияло солнце. Я повенчана с тобой в церкви, и я твоя настоящая жена.
Они поцеловали друг друга и с этой поры были счастливы всю свою жизнь. А ложной невесте отрубили в наказание голову.
Башня, в которой сидела дева Малейн, стояла там еще долгое-долгое время, и дети, проходя мимо нее, пели:
Дин, дон, дон!
Кто в той башне заключен?
Королевна там живет,
К ней никто уж не войдет.
Стены прочные стоят,
Камни рухнуть не хотят.
Ну-ка, Ганс, ступай живей,
Проведи меня ты к ней.